

В. Розановъ.

Апокалипсисъ

нашего времени.

1. Христіанинъ.
2. La Divina comedia.
3. Странность.
4. Perturbatio aeterna.
5. Надавило шкафомъ.
6. О страстяхъ міра.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ М. С. Елова.

1918.

Временно выпуски 6-ой и 7-ой задерживаются.

Христіанинъ.

Точно онъ больной и всѣхъ занодозриваетъ, что они больны еще какимъ-то худшими болѣзнями, нежели онъ самъ. Только къ одному, къ власти, онъ не чувствуетъ подозрѣнія. Власть всегда добра, блага, и собственно потому, что онъ лѣнивъ и власть обѣщаетъ ему его устроить какъ калѣку.

Благотвореніе, которое вездѣ восполняетъ недостатокъ, у христіанъ есть нормальное положеніе. Тутъ всѣ благотворятъ „нищую братію“ и какая-то нищета имущества, тѣль и духа—вотъ христіанство. „Худощавые люди“.

Когда славяне позвали „варягъ изъ-за моря“ управлять себя, управлять своею „обширною и богатою землею“, они показали себя какими-то калѣками уже до рожденія. Ужасно.

Ужасно и истинно. И до сихъ поръ, до нашего даже времени, я наблюдалъ, что всѣ получше землицы, „покругаѣ“, поудобнѣе мѣстоположеніемъ—въ рукахъ нѣмцевъ или евреевъ „Дача Штоля“, „имѣніе Винклера“. За 15.000 Штоль скупили лѣса и земли около трехъ огромныхъ озеръ и уже черезъ семь

лѣтъ ему предлагали за нихъ около 120.000 и онъ не продалъ. Онъ зналъ, что внукъ его возьметъ за нее миллионъ. Это точь-въ-точь „исторiя варяговъ“. Проздалъ безъ сомнѣнiя помѣщикъ, обезпечивавшiй свою кухарченку съ дѣтми. „Ей больше 15.000 не надо. А значить—и мнѣ“; „я-же проживу при ней. Она меня кстати пускаетъ и въ картишки перекинуться“. Поэты.

У насъ вездѣ Нали и Дамаянти. Художественная нацiя. Съ анекдотомъ.

И вотъ такъ мы живемъ. Но вернемся къ христiанамъ. Нѣтъ яснаго, добраго, веселаго глаза. Всѣ всѣхъ осматриваютъ, всѣ всѣхъ подозрѣваютъ. Всѣ о всѣхъ сплетничаютъ. „Христiанская литература“ есть почти „исторiя христiанской сплетни“. Посмотрите бельетристику, театръ. Это почти сплошное зло-словiе.

Какъ ужасно. И еще какъ ужаснѣе любить все это. Стонаю и люблю, стонаю и люблю. Привычка, традицiя. Ахъ, „мои бѣдныя родители“.

LA DIVINA COMEDIA.

Съ лязгомъ, скрипомъ, визгомъ опускается надъ Русскою Исторією желѣзный занавѣсъ.

— Представленіе окончилось.

Публика встала.

— Пора одѣвать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шубъ, ни домовъ не оказалось.

Страхность.

Много въ Евангеліи притчей, но гдѣ-же молитва, гимнь, псаломъ? И почему-то Христось ни разу не взялъ въ руки арфу, свирель, цитру и ни разу не „воззвалъ“? Почему Онъ не научилъ людей молиться, разрушивши въ то-же время культъ и Храмъ? И о Храмъ явно сказавъ, что Онъ его разрушитъ; какъ и объ Іерусалимъ—тоже величельно предсказавъ, что онъ падеть и разрушится. Разрушится такое средоточіе молитвъ и молитвенности, какого конечно не было нигдѣ еще на землѣ. Почему-то таинственно и неспо-

вѣдимо людямъ никогда не пришло на умъ, что Евангеліе есть религіозно-холодная книга, чтобы не сказать — религіозно-равнодушная. Гдѣ не поютъ, не радуются, не восторгаются, не смотрятъ на Небо; и гдѣ вообще какъ-то ужь очень „не похоже на рай первобытныхъ человѣковъ“. Не пришло на умъ никому, что если чѣмъ болѣе всего Евангеліе удивляетъ и поражаетъ, то это религіозною *трезвостью*; близкою уже къ раціонализму; и гдѣ „пары“ не идутъ ни „сверху“, ни „снизу“. „Притча“, „притча“, — „вышелъ свѣтель свѣять въ поле“, — все это какъ будто уже приуготовлено для Гарнака и священника Григорія Петрова; разсказъ „изъ житейскаго“ на поучительную обыденную „мораль“... Сверхъ Гарнака, надо бы еще прибавить и Фарраріа: но гдѣ-же тутъ религія? Гдѣ главное *онъ*, псаломъ—существо всего дѣла? И этотъ Царь, *неудержимо поющій Богу?*

„Какъ лань жезлаетъ на источники водъ, такъ душа моя тоскуетъ по Тебѣ, Боже“...

На большомъ, всетаки очень большомъ протяженіи Евангелія, только всего одна молитва въ семь строкъ. И какъ она вся послѣдовательна, отчетлива. Это—логика, а не молитва;

съ упоминаваніями о томъ-то и томъ-то, но безъ умиленія, безъ іоты восторга. Это какое-то продолговатое „дважды $\times$ два=Боже“. Развѣ это то, что „молитва мытаря“, великая, прекрасная, *единственная*. Но возьмите-же глаза въ руки: это вовсе не молитва Христа, а случайно подслушанная евангелистомъ именно молитва *человѣка и мытаря*. Не поразитъ-ли каждаго, что у Христа въ молитвѣ „Отче нашъ“—*меньше поумна молитвенности*, нежели у этого бѣднаго *человѣка*. И вообще мы не слышимъ молитвъ и любящихъ изліяній сердца именно Христа къ Отцу Своему, что такъ естественно-бы отъ Сына, что такъ ожидалось-бы отъ Сына. Люди молятся, но Христосъ не молится. Молится гдѣ-то фарисей, въ отодвинутости, въ отстраненіи, въ какой-то *гадливой тѣни*, и какъ это параллельно и какъ-бы „поддерживаетъ“ уже предрѣшенное разрушеніе Храма и Іерусалима, и всего племени Израильскаго. „*Такъ они молились, и чего-же ждуть отъ этого племени?*“ Между тѣмъ *теперь* мы уже знаемъ Симона Праведнаго, бенъ-Юхая, равви Акибу. Они молились *вовсе не „такъ“*... Да что, Іона: даже „попавъ въ чрево китово“, онъ всетаки „всталъ

на молитву“ и „воззвалъ“: не былъ-же и онъ фарисеемъ и не для фарисейства онъ молился. Иона невидимо и прекрасно защищаетъ и—**фарисея**. Евреи молились вовсе не такъ, какъ описано въ Евангеліи, и въ Евангеліи содержится клевета на молитвы евреевъ. Эти утропленные жидки, и Симонъ Праведный, и Акиба, бѣгали, суетились, кричали, кричали на народъ, но никогда „торжественно не становились въ позу“, и не произносили словъ, во-истинну проклятыхъ. Единственно, въ чемъ они „прегрѣшили противъ Евангелія“—это что такъ любили и Храмъ, и городъ, и народъ...

Какое-то странное угашеніе молитвенности... Сколько путешествуютъ въ „Дѣянiяхъ“ и—нѣтъ чтобы помолится кто, отправляясь въ путь; и нѣтъ чтобы помолится кто, вернувшись благополучно съ дороги. А столько—хлопотъ. Нельзя не замѣтить насмѣшливо: „ты слишкомъ хлопчешь, Марѳа,—присядь къ ногамъ Отца Небеснаго“... Но именно Отець Небесный загадочно уже на умъ никому не приходитъ: только—**Сынъ**, вездѣ—**Сынъ**, замѣщающій Отца... Между тѣмъ, что-же такое *молитва*, какъ не исчерпывающее отношеніе

дитяти - человекъ къ Богу? И вотъ именно она-то таинственно исчезаетъ. Только разсуждаютъ. И приходитъ на умъ, что ареу Давида, лиру Апполона и свирель Марсія,—мы *окидываемъ весь древній міръ*,—отнынѣ замѣнять богословствующіе споры. И что пожалуй тайный-то ноумень Евангелія и всего „дѣла евангельскаго“ и лежалъ въ перемѣнѣ—музыки молитвы на „*cogito ergo sum*“ богословія.

PERTURBATIO AETERNA.

— Азъ-же глаголю вамъ: **первые да будутъ послѣдними, а послѣдніе станутъ первыми**“.

И спросили Его ученики: „Но, Господи: до какого *предѣла* и въ какихъ *срокахъ*?“

И пакы рекъ:

„— Первые да будутъ послѣдними и послѣдніе первыми“.

„— Но, учитель благой: если—*такъ*, то какое-же царство устоитъ, и какая земля останется тверда, если все станетъ класться верхомъ внизъ, а снизу—на-верхъ?“

И рекъ снова:—„первые да будутъ послѣд-

ними, а послѣдніе станутъ первыми“.

Ученики-же глаголаша:

„— Но если это не мѣдь бряцающая и не кимвалъ звенящій: то какъ вырости овощу, если будетъ не гряда съ *лежащею* землею, а только *мельканіе* заступа, переворачивающаго землю со стороны на-сторону“?

И пакы еще рекъ: „Азъ-же истинно, истинно глаголю вамъ: первые станутъ послѣдними, а послѣдніе первыми“.

И убоялись ученики Его. И отойдя—совѣщались. И качали головами. И безмолвствовали.

Но зашумѣла исторія: заговоры, бури, перевороты. Смятенія народныхъ волнъ. И всѣ усиливаются подняться къ первенству. И никто долго не можетъ его удержать, а идетъ ко дну.

Во-истину: „Пошли серпъ твой на землю: и пусть пожнетъ растущее на ней“ (Апокал.).

„И былъ плачь и скрежетъ зубовный. И земля была пожата“.

„Онъ (Раскольниковъ) пролежалъ въ больницѣ весь конецъ поста и Святую. Уже выздоравливая, онъ припомнилъ свои сны, когда еще лежалъ въ жару и бреду. Ему грезилось въ болѣзни, будто весь міръ осужденъ въ жертву какой-то страшной, несмысленной и невозможной моровой язвы, идущей изъ глубины Азии на Европу. Всѣ должны были погибнуть, кромѣ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ избранныхъ. Появились какія-то новыя триаины, существа микроскопическія, вселявшіяся въ тѣла людей. Но эти существа были души, одаренные умомъ и волей. Люди, принявшіе ихъ въ себя, становились тотчасъ-же сумасшедшими и бѣснотами. Но никогда, никогда люди не считали себя такъ умными и непоколебимыми въ истинѣ, какъ считали зараженные. Никогда не считали непоколебимѣе своихъ приговоровъ, своихъ научныхъ выводовъ, своихъ нравственныхъ убѣжденій и вѣрованій. Цѣлыя селенія, цѣлые города и народы заражались и сумасшестввовали. Всѣ были въ тревогѣ и не понимали другъ друга, — всякій думалъ, что въ немъ въ одномъ и заключается истина, и мучился, глядя на другихъ, билъ себя въ грудь, плакалъ и ломалъ себѣ

руки. Не знали, кого и какъ судить, не могли согласиться, что считать зломъ, что добромъ. Не знали кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали другъ друга въ какой-то безсмысленной злобѣ. Собирались другъ на друга цѣлыми арміями, но арміи, уже въ походѣ, вдругъ начинали сами терзать себя, ряды разстраивались, воины бросались другъ на друга, кололись и рѣзались, кусали и ѣли другъ друга. Въ городахъ цѣлый день били въ набатъ: созывали всѣхъ; но кто и для чего зоветъ, никто не зналъ того, а всѣ были въ тревогѣ. Оставили самыя обыкновенныя ремесла, потому-что всякій предлагалъ свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться. Остановилось земледѣліе. Кое-гдѣ люди сбѣгались въ кучи, соглашались вмѣстѣ на что-нибудь, клялись не разставаться,—но тотчасъ-же начинали что-нибудь совершенно другое, чѣмъ сейчасъ-же сами предполагали, начинали обвинять другъ друга, дрались и рѣзались. Начались пожары, начался голодъ. Всѣ и все погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спаслись во всемъ мірѣ могли только нѣсколько человѣкъ,—это были чистые и избранные, предназначенные начать но-

вый родъ людей и новую жизнь, обновить и очистить землю“. („Преступленіе и наказаніе“, изданіе 1884 года, страница 500—501).

.....

„И вышедши, Иисусъ шель отъ Храма. И приступили ученики Его, чтобы показать Ему зданія Храма.

„Иисусъ-же сказалъ имъ: видите-ли все это? Истинно, истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ. Все будетъ разрушено“. (Евангеліе отъ Маттея, глава 24, 1—2).

.....

И спросилъ Его Іоаннъ: „Господи, кто предасть Тебя?“ Иисусъ-же отвѣтилъ:—„кому Я, обмакнувъ въ соль, подамъ кусокъ хлѣба—тотъ предасть Меня“. И, обмакнувъ, подалъ Іудѣ. И тотчасъ вошелъ Сатана въ душу Іудѣ. И онъ, вставъ, пошелъ и предалъ Его“.

.....

„Не-бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни лобзанія Ти дамъ яко Іуда...“

.....

„Не спешите колебаться умою, и смущаться ни отъ буса, ни отъ слова, ни отъ посланія какъ-бы нами посланнаго, будто-бы наступаетъ уже день Христовъ.

„Да не обольститъ васъ никто никакъ: ибо день тотъ не прійдетъ, доколѣ не прійдетъ прежде отступленіе, и не откроется челоуѣкъ грѣха, сынъ погибели:

„Противящійся и превозносящійся выше всего, называемаго Богомъ, или святынею, такъ что въ Храмъ Божіемъ сядетъ Онъ, какъ Богъ, выдавая Себя за Бога.

„И нынѣ вы знаете, что не допускаетъ открыться Ему въ свое время.

„Ибо тайна беззаконія уже въ дѣйстви, только не совершится до тѣхъ поръ, пока не будетъ взятъ отъ среды удерживающій теперь.

„И тогда откроется беззаконникъ—тотъ, Котораго приходъ по дѣйствию сатаны будетъ со всякою силою и знаменіями и чудесами ложными.

„И со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ погибающихъ“ („Второе посланіе Апостола Павла къ Фессалоникійцамъ“. Глава 2, 2—10).

. . . . .
 . . . . .

„Я испыталъ тѣхъ, которые называютъ себя Апостолами, а они не таковы, и нашель, что они—лжецы.

„И они говорятъ о себѣ, что они—іудей, но они не таковы, а—сборище сатанинское“ (Апокалипсисъ, глава 2, 2—3.

Надавило шкафомъ.

Нельзя иначе, какъ отодвинувъ шкафъ, спасти или вѣрнѣе избавить отъ непомѣрной вѣчной муки цѣлую народность, 5—8—10 милліоновъ людей, сколько—не знаемъ: но вѣдь даже *и одного человѣка задвинуть—страшно*. И вотъ онъ хочетъ дышать и не можетъ дышать. „Больно“, „больно“, „больно“. Но между тѣмъ кто-же отодвинетъ этотъ шкафъ? Нѣтъ маленькой коротенькой строчки „изъ исторіи христіанства“, которая не увеличивала-бы тяжести давленія.

Кто можетъ отодвинуть блаженнаго Августина? Такой могучій, исключительный умъ. Кто можетъ отодвинуть Іоанна Златоуста? Одно имя показываетъ, каковъ онъ былъ въ словѣ. И апостола Павла? И ужъ особенно—Самого?

Между тѣмъ уже одинъ тотъ фактъ, что „живой находится подъ шкафомъ“, содѣлываетъ какое-то содроганіе въ груди. „Какъ живой подъ шкафомъ?“ „Какъ онъ попалъ туда?“ Но—„попалъ“. Притомъ—*кто?* Любимѣйшее дитя Божіе, которое отъ начала міра, отъ созданія міра, было любимѣйшимъ. И никогда Богъ отъ него не отвращался, и онъ Бога никогда не забывалъ.

„Человѣкъ подъ шкафомъ“. — „Человѣкъ въ морѣ“. И корабль останавливается, чтобы вытащить изъ моря. Бросаютъ сѣти, канаты, плавательные круги. „Вытащенъ“. „Спасенъ“. И всѣ радуются. „Человѣкъ спасенъ“. И не сѣтуютъ, что „корабль задержался“, что „долго ждали“. Лишь-бы „спасенъ былъ“.

По сему „ходъ христіанскаго корабля“ уже потому представляется страннымъ, что „человѣкъ въ морѣ“ и никто не оглянется, всѣ его забыли. *Забыли о человѣкѣ.* О, о, о...

Но „начать отодвигать шкафъ“ и значить „начинать опять все дѣло сначала“. „Не приняли Христа, а онъ—Богъ нашъ“. Какъ можно намъ-то колебаться въ принятіи Христа?

Надавила и задавила вся христіанская исторія. Столько комментаріевъ. Столько „при-

мѣчаній“. Развѣ можно сдвинуть такія бібліотеки. На евреевъ давить Императорская Публичная Библіотека, British Museum. И въ Испаніи — Университетъ въ Саламанхѣ, въ Италіи — „Амвросіанская бібліотека“ въ Венеціи. Господи, — всѣ эти бібліотечные шкафы надавили на грудь жидка изъ Шклова. А вѣдь знаете, какъ тяжелы книги.

Но человѣкъ не умираетъ, и все стонетъ. Хоть-бы умеръ. Цивилизаціи легче было-бы дышать. А то невозможно дышать. Все стоны, стоны.

Странная стонущая цивилизація. Уже зло пришествія Христа выразилось въ томъ, что получила цивилизація со стономъ. Вѣдь Онъ проповѣдывалъ „лѣта благопріятное“. Вотъ въ этомъ по крайней мѣрѣ — Онъ ошибся: никакого „лѣта благопріятнаго“ не получилось, а вышла цивилизація со стономъ.

Какая-же это „благая вѣсть“, если „человѣкъ въ морѣ“ и „шкафъ упалъ на человѣка“?

Нѣтъ: во всемъ христіанствѣ, въ христіанской исторіи, — и вотъ какъ она сложена, вотъ какъ развивался ея спиритуализмъ, — лежитъ какое-то зло. И тутъ немощны и „двѣточки“ Франциска Ассизскаго и Анатоль Франсъ и

Ренанъ.

„Человѣка задавило“ и не хочу слушать „Подражаніе Ѳомы Кемпійскаго“.

Три гороскопа.

Есть-ли связь планеты съ обитающимъ ее человѣкомъ? И вообще—„о чемъ горитъ солнышко?“... „Что тамъ въ звѣздахъ?“ Шепчутъ-ли звѣзды? Или онѣ только тупо и пусто, какъ пустыя горшки, движутся по Копернику?

Объ этомъ говорили гороскопы. „Глупое знаніе древности“, на которое при новой наукѣ не обращается никакого вниманія. Но „новая наука“ даже за мѣсяцы только не предрекла и теперешней войны. И, словомъ, „*savoir pour praevoir*“ Конта—именно въ контизмъ его, именно въ позитивизмъ, какъ-то плоско расшиблось...

Что-же такое „гороскопы“? Что такое они? Демонъ? Богъ? но и христіане, по крайней мѣрѣ на деревняхъ, „вѣрятъ въ судьбу“? Т. е. вѣрятъ въ тайную власть звѣздъ. И вотъ поразительно, что никто изъ историковъ не обратилъ вниманія на три поразительные

„гороскопа“ и, значить, „великія звѣзды“—уже исполнившіеся, и—какъ мы эти три гороскопа уже знаемъ изъ исторіи, и какъ исторіи о нихъ самымъ подробнымъ образомъ рассказываютъ. Громко. Отчетливо. Во услышаніе цѣлаго міра.

Одинъ гороскопъ—Иисуса Христа.

Другой гороскопъ—Апостола Петра.

Третій гороскопъ—Константина Великаго.

Одинъ былъ распятъ.

Другой—распятъ-же, но головою книзу.

Третій—Константинь Великій—казнилъ сына, по подозрѣнію въ связи его съ мачехою Фаустою. Этотъ сынъ былъ Криспъ. А самую жену, очевидно любимую, онъ съжегъ въ раскаленной банѣ.

Достоевскій въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что „планета не пощадилъ Создателя своего“... О, о, о... Что-же, зла—земля? Но онъ самъ говоритъ о „землѣ бѣлой“, о землѣ „благой“. Не онъ-ли сказалъ и „Святая Русь“? Вѣдь это—тоже планета, часть планеты. Нѣтъ, ужъ если что, то сама планета—бѣла, хороша. И мы въ нее должны повѣрить. Ну, такъ,—просто повѣрить. И вотъ эта нами „вѣримая“ планета (по Достоевскому) сложила о Немъ

и о нихъ такіе ужасающіе, въ исторіи *безпри-
мѣрные, леденящіе душу* гороскопы...

О, стоны...

Стоны, стоны, стоны...

Но,—которые такъ совпадаютъ со страхомъ
евреевъ „перемѣнить туфлю“.

Но какъ содержится въ этомъ ревущій по-
добно Малыштрему,—величайшій океанической
водоворотъ,—ревъ Апокалипсиса:

— Они называютъ себя „Апостолами“, а
на самомъ дѣлѣ—исчадія Сатаны. И говорятъ:
„Церкви“, а на самомъ дѣлѣ—это сборища
бѣсовскія...

О, о, о...

Ужасы, ужасы...

Ноумены планеты.

„И поколебались основанія земли“ (Еванге-
ліе о моментъ распятія Христа)...

„И сошелъ — въ Преисподнюю“... Ужасы,
ужасы...

Какъ разбита планета. И гдѣ-же, земля,
твоя осколки?

Гороскопы, гороскопы, гороскопы. О, какъ
ужасны ихъ предсказанія. Неужели это шо-
потъ звѣздъ? Бѣгите, историки,—закрываютъ
уши.

„Блаженны уши, которые ничего изъ чело-
вѣческой исторіи не слышали“.

О страстяхъ міра.

Здѣшняя земная жизнь—уже таитъ корни
не земной. Какъ и сказано:

Есть упоеніе въ бою...

Это—Марсъ и Арей, божества Марса и Арея;
они—какъ боги.

И бездны мрачной на краю,

И въ бушеваньи урагана,

И въ дуновеніи чумы...

Безсмертья, можетъ быть, залогъ.

Какая мысль,—какая мысль, *инстинктомъ*,—
скользнула у Пушкина! Именно—„залогъ без-
смертія и вѣчной жизни“. Это—„андъ“ и „эли-
зій“ древности: и какъ мы не повѣримъ имъ
и ихъ *реальности*, разъ у христіанина—Пуш-
кина, у стихотворца—Пушкина, ничего о древ-
нихъ въ минуту написанія стихотворенія не
думавшаго, вдругъ и неожиданно, вдругъ и
невольно, вдругъ и неодолимо—скользнула
мысль къ грекамъ, къ римлянамъ, къ тар-
тару и мыслямъ Гезіода и Гомера...

* * *

Также мнѣ ничего не приходило въ голову при видѣ гусеницы, куколки и бабочки, которыхъ я видалъ съ одной стороны—однимъ существомъ; но, съ другой стороны,—столь-же выразительно, столь-же ярко, и—не однимъ.

Тогда, войдя къ друзьямъ, бывшимъ у меня въ гостяхъ, Каптереву и Флоренскому, естественнику и священнику, я спросилъ ихъ:

„Господа, въ гусеницѣ, куколкѣ и бабочкѣ—которое-же я ихъ?

Т. е. „я“ какъ-бы одна буква, одно сіяніе, одинъ лучъ.

„Я“ и „точка“ и „ничего“.

Каптеревъ молчалъ, Флоренскій-же подумавъ сказалъ: „конечно, бабочка есть энтелехія гусеницы и куколки“.

„Энтелехія“ есть терминъ Аристотеля, и—одинъ изъ знаменитѣйшихъ терминовъ, имъ самимъ придуманный и филологически составленный. Одинъ средневѣковый схоластъ прозамадывалъ чѣрту душу, только чтобы хотя въ сновидѣніи онъ объяснилъ ему, что въ точности Аристотель разумѣлъ подъ „энтелехією“. Но, между прочимъ и другимъ, у

Аристотеля есть выраженіе, что „душа есть *интелексія тѣла*“. Тогда сразу опредѣлилось для меня—изъ отвѣта Флоренскаго (да и что иначе могъ отвѣтить Флоренскій, какъ не— это именно?), что „бабочка“ есть *на самомъ дѣлѣ, тайно и метафизически, душа гусеницы и куколки*.

Такъ произошло это, космогонически—потрясающее, открытіе. Мы можно сказать втроемъ *открыли* душу насѣкомыхъ, раньше, чѣмъ открыли и *доказали* ее—у человѣка.

Сейчасъ—давай разсматривать, „что-же она дѣлаетъ?“

„Собираетъ нектарь“, „копается въ цвѣтахъ“. Это подозрительно и *субъективно*. Но, въ самомъ дѣлѣ: у бабочки—совершенно *нѣтъ рта*, нѣтъ—ничего для жеванія и для принятія твердой пищи. Кантеревъ сейчасъ-же сказалъ, какъ натуралистъ: „у *насъ* (онъ не сказалъ— у *всѣхъ*)—нѣтъ кишечника (я читалъ гдѣ-то, что, кажется—иногда, „не бываетъ кишечника“): значитъ это—что *нѣтъ и желудка?* Конечно! Что за странное ...существо, бытіе? „Не питающееся“. Да долго-ли онъ живетъ? Есть „мухи-поденки“. Но, во всякомъ случаѣ—

онѣ,—и уже безспорно *всѣ*,—*совокупляются*. Значить, „міръ будущаго вѣка“ по преимуществу опредѣляется какъ „совокупленіе“: и тогда проливается свѣтъ на его неодолимость, на его — ненасытимость, и, „увы“ или „не увы“,—на его „священство“, что оно—„таинство“ (таинство — брака). Открытіи — чѣмъ дальше, тѣмъ—больше. Но явно, что у насѣкомыхъ, коровъ, вездѣ,—въ животномъ и растительномъ мірѣ, а вовсе не у человѣка одного,—оно есть „таинство, небесное и святое“. И, именно, въ центральной его точкѣ—*въ совокупленіи*. Тогда понятна „застѣнчивость половыхъ органовъ“: это—„жизнь будущаго вѣка“, входимъ черезъ это „въ загробную жизнь“, „въ жизнь будущаго вѣка“.

И, странно: тогда понятно *наслажденіе*. „Эдемъ, блаженство“. Но—и болѣе: обратимся къ „нектару цвѣтовъ“. Дѣйствительно, паразительно то особенно, что насѣкомыя (не однѣ бабочки, но и жуки, „бронзовки“, „Божіи коровки“) копаются *въ громадныхъ относительно себя* половыхъ органахъ деревьевъ, и особенно—кустовъ, розъ и проч., олеандровъ, и т. п., орхидей. Чьи-иъ *цвѣты* представляются для бабочекъ? Вотъ-бы что надо понять, и что

понять — ноуменально необходимо. Не невозможно, что для каждаго насѣкомаго „дерево и цвѣтокъ“, „Садъ и цвѣты“ представляются „раемъ“... Да такъ вѣдь и есть: „лѣто, тепло; и—Солнце“, въ лучи котораго онѣ влетаютъ; а съ цвѣтовъ—„собираютъ нектаръ“. Тогда нельзя не представить себѣ „соединеніе нектара и души“, и что „душа—для нектара“, а „нектаръ—для души“. Въ третьихъ—миѣ: „боги на Олимпѣ питаются нектаромъ и амброзіей“. Но и раньше миѣа и параллельно ему: сколько свѣта проливается въ то, „почему-же цвѣты пахнутъ“, и отчего-же у растеній цвѣты—такіе огромные, что въ нихъ—„влѣзть цѣлому насѣкомому“. Совершенно явно: величина цвѣтовъ—именно чтобы насѣкомому войти всему. Тогда понятно, что „растенія слышать и думать“ (сказки древности), да и вообще понятно, что онѣ—„съ душою“!! О, какою еще... Но вотъ что еще интересно: что „садъ“, вообще всякій садъ, „нашъ и земной“, есть немножко и не „нашъ“ и не „земной“, а тоже—„будущаго“, „загробнаго вѣка“. Тогда понятно—„зима и лѣто“, ибо изъ зимы и черезъ зиму, пролежавъ зиму „въ землѣ“, зернышко „встаетъ изъ гроба“. Въ сущ-

ности, по закону—какъ и „куколка“ бабочки.

Такимъ образомъ „наши поля“ суть „загробныя поля“, „загробныя нивы“. Тогда конечно:

Когда волнуется желтѣющая нива

То въ небесахъ я вижу Бога

Вообще понятно—особенное и волнующее чувство, испытываемое человѣкомъ въ саду, испытываемое нами въ полѣ, испытываемое нами въ лѣсу, и — *раціоналистически никакъ необъяснимое*. Понятно, почему „Антей, прикасаясь къ матери-землѣ, опять возстановляется въ силахъ“. Въ „древности“ вообще тогда очень многое объясняется; какъ равно у Достоевскаго его знаменитая, потрясающая, стоящая всего „язычника-Гете“ фраза: „Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на землю. И взросло все, что могло возрасти. Но все на землю живетъ черезъ таинственное касаніе мірамъ инымъ“. Тутъ—**все** язычество уже. Уже напр. весь Египетъ, храмы коего—суть прямо рошцы, колонны-деревья, непременно—деревья, съ „капителями-цвѣтами“. Да и каждый-то нашъ „садъ“ есть „таинст-

венный храмъ“, и не только „посидѣть въ немъ—поздоровѣть“, но и „посидѣть—помолиться“. Да и понятны тогда „священныя роши древности“, понятна—„тишь вечера въ лѣсу“, понятна вообще „природа какъ святая“, а—не „одно богословіе святое“. Но вернемся еще къ страстямъ и огню.

Таинственно черезъ нихъ и „оргіи“ дѣйствительно проглядываютъ „жизнь будущаго вѣка“. Вѣдь посмотрите, какъ подозрительно и осудительно ласкаются мотыльки съ цвѣтами. Дѣйствительно—нельзя не осудить. Но ...„жизнь будущаго вѣка“, и... что подѣлаешь. Тогда понятно, откуда и почему возникли всѣ „оргіи древности“; и что „безъ оргіи не было древнихъ религій“. Вспомнишь „нектаръ и амброзію“ Олимпа; и какъ на рисункахъ, *не смѣя словами*,—я объяснилъ въ „Восточныхъ мотивахъ“ египетскія мистеріи. Проматривая теперь въ коллекціи монетъ—монеты всевозможныхъ странъ съ такими-же точь-въ-точь изображеніями,—я уже смотрѣлъ на нихъ съ родствомъ и нѣмымъ пониманіемъ: невысказанно и безмолвно, какъ я-же въ „Восточныхъ мотивахъ“, древніе передали на нихъ любимыя свои „мистеріи“, о которыхъ они о

всѣхъ и все знали, но никто ни единымъ словомъ не обмолвился, какъ „о жизни будущаго вѣка“, о которой въ этой земной жизни навсегда должно быть сохранено молчаніе.

Но.. Такъ вотъ откуда—„наши страсти“!?!? Эти по истинѣ „протуберанцы солнца“ (факелы, изверженія изъ тѣла солнца). Да ужъ и солнце не въ „страстяхъ“-ли? По-истинѣ, „и на солнцѣ есть—пятна“. Одинъ Христосъ безъпятнисть. А наше солнышко—съ „грѣшкомъ“, горитъ и грѣеть, горитъ и грѣеть; горитъ—и вотъ „по-веснѣ“, когда его—„больше“, когда оно не только грѣеть, но и начинаетъ—горячить: тогда животныя всѣ заберемениваютъ. Сила солнца, „грѣшокъ“ солнца—переходитъ въ животныхъ. Все—тучнѣетъ, животы у всего—разрастаются. Сама земля—проситъ зерна... И вотъ—Деметра, вотъ—Гея, и опять—„Волнующая нива“, которая „вздываетъ грудь къ молитвѣ“. Что-же: сказать христіанству, что это—„не правда“? И что въ однихъ духовныхъ академіяхъ—богословіе? Но гораздо болѣе богословія въ подымающемся быкѣ на корову... И вообще:

Весна идетъ, весна идетъ

Вездѣ идетъ зеленый гудъ

это—язычество, которое—истинно; это—
Аписъ и Серапеумъ

Каптеревъ задумался и сказалъ: „Открыто наблюденьями, что въ гусеницѣ, *обвившейся кокономъ, и которая кажется—умершею, начинается послѣ этого дѣйствительно перестраиваніе тканей тѣла.* Такъ что она не мнимо умираетъ, но — дѣйствительно умираетъ... Только на мѣстѣ умершей гусеницы начинается становиться что-то другое; но—именно *этой* опредѣленной гусеницы, какъ-бы гусеницы-лица, какъ-бы съ фамилією и именемъ: ибо изъ всякой гусеницы, *сюда* положенной, и выйдетъ—*вокъ та бабочка.* А если вы гусеницу эту проткнете, напр., булавкою, тогда и бабочки изъ нея не выйдетъ, ничего не выйдетъ, и гробъ останется гробомъ, а тѣло—не воскреснетъ“. Тогда-то, тогда мнѣ стало понятно, почему феллахи (потомки древнихъ египтянъ, явно сохранившіе всю ихъ вѣру) плакали и стрѣляли изъ ружей въ европейцевъ, когда тѣ перевозили муміи, извлеченныя изъ пирамидъ и изъ царскихъ могилъ. Они, эти нигилисты, заживо умершіе и протухшія, не понимая ни жизни, ни смерти,

„нарушили цѣлость тѣла ихъ (феллаховъ) предковъ“, и тѣмъ лишили ихъ „воскресенія“. Они, о чемъ предупредилъ Каптеревъ, какъ-бы „разломилъ муміи пополамъ“, или, все равно—пронзили иголкою „куколку“, послѣ чего она приобщается *смерти безъ бытія*. Тогда мысль, что „бабочка есть душа гусеницы“, „энтелехія гусеницы“ (Флоренскій)—еще болѣе утвердилась у меня: а главное—мнѣ разъяснилось и *доказалось*, что египтяне въ мышленіи и открытіяхъ „загробнаго существованія“ шли тѣмъ-же путемъ, какъ я, т. е. черезъ „бабочку“ и ея „фазы“. Что это и для нихъ былъ путь открытій и „откровеній“, да вѣдь и вообще это—*истинно*. Тогда для меня ясны стали саркофаги—муміи. Кто видалъ ихъ въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа, тотъ не могъ не поразиться раньше всего—**величиною**. Зачѣмъ—такой **большой**, огромный саркофагъ—для муміи умершаго, вовсе не большой? Но вѣдь это—„коконъ“ куколки-человѣка; и строился саркофагъ непременно и именно по образцу кокона. Вотъ такой-же продолговато-гладкій, какъ рѣшительно всякій коконъ, какой безусловно строить себѣ всякая гусеница—и египтянинъ себѣ изгото-

влялъ, „окукливаясь“. И тѣло клалось — въ пелены, „завертывалось“, какъ гусеница напр. шелковичнаго червя, прямо „выпускающая изъ себя“ шелковыя нити, прямо дѣлаеть себя „шелковую рубашечку“.

Поверхъ этого жесткая, коричневатая скорлупа. Это — саркофагъ, всегда коричневатого однообразнаго тона. Кажется, онъ гипсовый, и тогда онъ и по матерьялу естества сходенъ съ оболочкою куколки, ибо что-то въ родѣ извести, какъ вышота, даетъ и тѣло гусеницы. Вообще, ритуальъ погребенія у египтянъ вышелъ изъ подражанія именно фазамъ окукливающейся гусеницы. А главное — отсюда скарабей-жукъ-насъкомое, какъ „символь перехода въ будущую, загробную жизнь“. Это знаменитѣйшее изъ божествъ Египта, можно сказать — самое великое ихъ божество. Почему — насъкомое? Но — *тотъ-же путь*, какъ и у меня, разсужденія. Главное, самое главное, что египтяне открыли, — это „насъкомо-образную будущую жизнь“. И увѣковѣчили, что — именно *отсюда они ее открыли* — насъкомыми, скарабеемъ. Это — благороднѣйшая память, т. е. воспоминаніе и благодарящая память за свою родную исторію и

чьмъ главнымъ образомъ были полонъ смыслъ ихъ исторіи. Отсюда уже множество объясненій, напр. почему во время „пиршествъ“ и особенно во время „домашнихъ пиршечекъ“ — любили они „проносить муміи“. Это — не печаль, не страхъ, не угроза. Не „окаянная угроза христіанъ смертью“, — могущая прекратить всякую радость. Напротивъ, напротивъ: это — радость обѣщанія вѣчной жизни и радости этой жизни, ея воздушности, ея прелести. „Мы теперь радуемся еще не совершенно“, „мы — въ пирѣ, но еще не полномъ“. „Лишь когда все кончится — мы войдемъ въ полную любовь, въ совершенный пиръ, съ яствами, съ питіями. Но вино наше будетъ неистоцимо, и питія наши — сладостнѣе всѣхъ здѣшнихъ, потому-что это будетъ чистая любовь, и матерьяльная-же, вещественная, но уже какъ-бы изъ однихъ лучей солнца, изъ свѣта и пахучести и эссенціи загробныхъ цвѣтовъ. Потому-что ужь если гдѣ цвѣты то — за гробомъ“.

Небесныя розы! небесныя розы!! — и египтяне вносили мумію.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Вып. 1	К читателю.....	2
	Раскопанное царство.....	3
	Как мы умираем.....	9
Вып. 2	Мое предвидение.....	17
	Последние времена.....	21
Вып. 3	Кроткая.....	33
	Что-то такое случилось.....	34
	Зачем они звонят?.....	35
	Дед.....	36
	"Москва слезам не верит".....	37
	Об одном народе.....	38
	Ежедневность.....	44
	Солнце.....	45
Вып. 4	Правда и кривда.....	47
	Из тайнств Христовых.....	57
	Сын.....	58
	Солнце.....	59
Вып. 5	Немного и радости.....	61
	Опасная категория.....	64
	Огонь Христов.....	66
	Тайны мира.....	67
	Искушение в пустыне.....	69
	Солнце.....	70
	Religio.....	—
	Тудля.....	72

Вып. 6-7	
Переживание.....	75
Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов.....	76
Еще о "сыне" в отношении "Отца".....	97
Приказ №1.....	100

Вып. 8-9	
Христианин.....	107
<i>La Divina comedia</i>	109
Странность.....	-
<i>Perturbatio aeterna</i>	113
Надвинуло шкафом.....	119
О страстях мира.....	125

Вып. 10	
Солнце.....	139
Корень вещей.....	-
Древность и христианство.....	-
Домострой.....	140
Христос между двух разбойников.....	144
Совет юношеству.....	146